

В. Е. ДОБРОВОЛЬСКАЯ
(Москва)

Рецензия на: Рахимова Э. Г. «Туонельские свечушки»: словесная изобразительность карело-финских причитаний по покойным. — М.: ИМЛИ РАН, 2010. — 237 с.

Похоронные причитания образуют обширную область «плачевой культуры», генетически соотнесенную с обрядами перехода. Основным контекстом похоронных причитаний является похоронный обряд, которым заданы основные параметры жанра, прежде всего его поэтическая и звуковая символика. Изучение похоронных причитаний привлекало внимание как филологов (А. Н. Афанасьев, А. Н. Веселовский, Е. В. Барсов, М. К. Азадовский, В. Г. Базанов, А. П. Разумова, Л. Г. Невская, Т. А. Бернштам, О. А. Седатова и др.), так и музыковедов (А. В. Руднева, Ю. И. Марченко, Н. Ю. Данченко, Г. В. Лобанов и др.).

Монография Э. Г. Рахимовой посвящена похоронным причитаниям народов западной группы финно-угорской языковой семьи (прибалтийско-финские народы). Целью данного исследования стало выявление повторяющихся у разных исполнителей элементов предметного мира похоронно-поминальных причитаний. Новизна рецензируемой работы связана, прежде всего, с фронтальной тезаурификацией элементов предметного мира причитаний. Автор выявила ряд частотных и показательных констант, позволяющих определить наиболее традиционные элементы прибалтийско-финской плачевой традиции. Исследовательница провела сопоставительный анализ этнопоэтических плачевых констант, показавший параллели с русской плачевой традицией.

Первая глава книги посвящена особенностям бытования и истории фиксации похоронных карело-финских причи-

таний. Автор обращает внимание на то, что основное внимание собиратели фольклора этих народов обращали не на причитания, а на руны калевальской метрики, которой оформлены не только эпические сказания, баллады и духовные стихи, но и свадебные обрядовые песни, необрядовая лирика, а также заговоры. Причитания прибалтийско-финских народов исследовательница характеризует как альтернативную рунам систему, структурообразующим фактором которой является опирающийся на аллитерацию вариационный параллелизм. Именно поэтому, как отмечает Э. Г. Рахимова, традиция начала фиксироваться на стадии угасания плачевого жанра. Настоящий интерес к жанру возникал постепенно, одновременно с этим расширялся круг территорий, на которых велась запись. Открытие традиции ижорских плачей исследовательница связывает с именем Вольмари Поркка, который описал их в 1883 г. Работу Поркка продолжили В. Алава, Ю. Луккаринен, А. Лаунис и др. В 1917 г. работа в «русской Карелии» и Ингерманландии практически прекратилась, но материал продолжал записываться на территории Эстонии и отчасти в среде переселенцев. В монографии показано, что записи этого материала делались в основном финскими учеными, хотя постепенно ижорская и карельская плачевые традиции стали фиксироваться и российскими исследователями (А. С. Степанова, У. С. Конкка, Н. А. Лавонен, Н. Ф. Онегина, Э. С. Киуру и др.). Традиция сохранилась в живом бытовании до 70-х гг. XX в., а в условиях рудиментарного функционирования фиксировалась и позднее. В настоящий момент большинство записей отечественных собирателей хранится в архиве ИЯЛИ КарНЦ (рук. В. П. Кузнецова).

Во второй части монографии Э. Г. Рахимова дает детальный обзор корпуса плачевых текстов. Она указывает на то, что помимо записей фольклористов для анализа вербальных и семантических единиц

повторяемости привлекаются материалы диалектологических публикаций. Особое место в корпусе текстов занимают фонозаписи 1960-х — 1970-х гг. Исследовательница отмечает территориально-языковую специфику изданий, а также публикации, ориентированные на репертуар определенной исполнительницы. Особое внимание уделено в книге разновременным записям плачей одной исполнительницы, содержащимся в разных изданиях.

Э. Г. Рахимова в своем исследовании уделила значительное место истории изучения поэтики и семантики карело-ижорской плачевой традиции как в отечественной, так и в финской науке. Она отметила, что при изучении традиционной поэтики причитаний научный интерес был сосредоточен прежде всего на двух проблемах. С одной стороны, ученые занимались исследованием аллитерации, которая для многих жанров прибалтийско-финского фольклора является «стержневым носителем стабильности» (с. 31). Другим аспектом исследовательской деятельности является выявление принципов образования и систематизации метафорических замен, прежде всего терминов родства и соседства.

В работе убедительно доказывается, что этнолингвистический подход при изучении поэтики причитаний представляется наиболее плодотворным. В четвертой главе исследования подробно разбираются различные формы зачинов-приветствий покойного, мотив бужения покойного, а также вербальные и изобразительные ипостаси манифестации концепта безмолвия покойного. Исследовательница отметила, что эпитетика и детали разработаны в плачах весьма богато и подробно, рассмотрела наиболее частотную трехчастную вербальную константу, обозначающую «непоправимое молчание покойного» (с. 73): «Твой язык замкнули костяными замочками, твои губы запечатали черными (восковыми) печатями, сотней засовов задвинули». Э. Г. Рахимова отметила, что данной вербальной манифестации присуща редукция, амплификация и замещение некоторых компонентов синонимичными образами. Особое внимание исследовательница уделила вербальным константам, опирающимся на скрепленное сильной аллитерацией дифтонгов под ударением, а также пучкам вербальных констант образованных стереотипными

176 предикативными словосочетаниями. В

отдельном пункте четвертой части исследования рассматриваются кроссжанровые схождения отдельных элементов обрядовой коммуникации с рунами.

В пятой главе монографии анализируются вербальные константы, характеризующие жилище покойного как в карело-финских плачах, так и в русских плачах, с одной стороны, и рунах калевальской метрики, — с другой. Исследовательница последовательно рассматривает риторические вопросы, связанные с изготовлением гроба, благодарность за его изготовление, запреты использовать для изготовления гроба определенные типы деревьев и т. д. Особое внимание уделено идеальным признакам гроба. Автор монографии отмечает, что их словесная реализация образует пучок вербальных констант, в которых устойчиво варьирование грамматико-синтаксических форм выражения, содержащих определительные словосочетания предикатов. Характерны совпадения в изображении гроба в карело-финских и северно-русских похоронных причитаниях.

Особый интерес представляет шестая глава монографии, которая посвящена обитателям Туонелы, а также предметному миру «того света» в карело-финских похоронных причитаниях. Исследовательница наглядно демонстрирует, что словесное изображение «безвозвратной» дороги относится к числу ключевых констант карельских похоронных плачей. Ее описание наполнено множеством деталей. Отмечается также и варьирование модальности при описании прохождения ворот Туонелы, общения с воротными стражами (собаками Туонелы), расспросов о месте умершего в «ином мире», передачи покойником вестей с земли ранее умершим родственникам и т. д.

Отдельный раздел монографии посвящен орнитологической символике карельских и ижорских причитаний и ее сопоставлению с символикой рун калевальской метрики. Э. Г. Рахимова убедительно доказывает, что орнитологическая символика в плачах тесно связана с мотивом разрывания материнской могилы и удаленностью умершей матери от причитающего. Исследовательница показывает, как мотив приобретения крыльев, необходимых для достижения желаемого места, по-разному реализуется в плачах по умершему и в балладах о дочери-птице. Если в балладах страдания дочери на-

ходят выражение в условном разрешении конфликта за счет фантастического превращения в птицу, когда существительное в падеже эссив ставится в сочетании с глаголом в имперфекте, то в причитаниях орнитологическая символика входит в состав предикатов, причем глаголы в данном случае могут быть как в кондиционале (если нужно выразить бесплодные надежды), так и в императиве (если в плаче нужно выразить семантику возможности). Исследовательница разбирает и другие устойчивые мотивы, встречающиеся как в плачах, так и в других фольклорных жанрах. Она делает вывод о том, что с помощью различных орнитоморфных символов формируются вербальные константы, опираясь на которые исполнительницы, импровизируя, создают эстетические образы. По наблюдению автора, орнитоморфная символика обнаруживает кроссжанровые схождения плачей не только с текстами калевальской метрики, но и с иноэтническими традициями, прежде всего, с русской плачевой традицией Северо-Запада.

В восьмой части книги Э. Г. Рахимова рассматривает вербально и семантически устоявшиеся выражения, используемые для описания горькой доли живых и их скорбь по умершему. Она выделяет целый ряд вербальных констант, характерных преимущественно для южнокарельских плачей, но встречающихся также в вепсских и ижорских. Особенно интересен в данном случае раздел, посвященный лейтмотиву «суховейного ветра». Исследовательница показывает, как он по-разному реализуется в плачах по матери и в плачах по мужу. В следующем разделе автор разбирает предикативное словосочетание «выветривать тоску», которое стало опорным для пучка вербальных констант. Указывая на то, что данная константа широко распространена среди комплекса метафор горя, присущих плачам данной традиции, Э. Г. Рахимова отмечает ее сочетаемость с другой метафорой — «заталкивание тоски в сердце».

Особое место в данной монографии занимает исследование характера исполнения причитаний и сохранность вербальных констант. Проанализировав имеющиеся в ее распоряжении записи, исследовательница делает вывод о том, что именно вербальные константы служат опорными ячейками для хранения в памяти похоронных причитаний.

Важную роль в рецензируемой работе играет исследование текстуальных схождений в карельско-ижорских и севернорусских плачах. В условиях карело-русского двуязычия имело место обоюдное взаимодействие устных традиций. Однако и в тех случаях, когда языковые различия сохранялись, контактные взаимодействия и типологические схождения с русской плачевой традицией прослеживаются вполне последовательно. Исследовательница отмечает, что сходство между прибалтийско-финской и русской плачевой традицией находится в прямой зависимости от вероисповедания. Наличие плачевой традиции напрямую зависит от православного вероисповедания исполнителей. Это подтверждают исследования на территориях чересполосного проживания конфессионально различных общностей прибалтийско-финского населения. Безусловно, связь причитаний с православием требует дальнейшего изучения, тем более, что имеется ряд сведений о существовании причитаний на территориях, где проживали лютеране.

Необходимо отметить, что сопоставление русских и карельских плачевых текстов в данном исследовании предпринято впервые. Именно факт контактного взаимодействия двух эпических традиций вызывает значительный интерес. Автор не ставил своей задачей установить заимствования из одной традиции в другую. Целью исследования было выявление вербальных констант, изучение системы которых позволяет проследить этнокультурные взаимодействия русских и карельских плачевых традиций.

Данная книга интересна не только специалистам по поэтике фольклорных текстов. Помимо блистательного анализа метафорической структуры прибалтийско-финских похоронных причитаний и ее сопоставления с поэтической системой русских похоронно-поминальных плачей исследовательница обращается к контексту бытования жанра. Именно этим объясняется наличие разнообразной информации, связанной со временем исполнения тех или иных видов плача, с нормативами, регулирующими их исполнение. Особое внимание привлекают представления об устройстве «иного мира» и сохранившиеся в плачах элементы прибалтийско-финской мифологии. Все это делает книгу интересной для самого широкого круга исследователей.